

В. Химик

Всеобщность или глобализация?

Когда говорят о национальной русской ментальности, то среди множества качеств русского народа непременно называют коллективизм, единение, общинность. В самом деле, в русской речевой культуре, традиционной, официальной и массовой, встречается значительное число идиом, паремий, крылатых фраз, клише и прецедентных текстов, которые отражают популярную в народе идею всеобщности и единства.

Например, в традиционной паремиологии: *Общий горшок гуще кипит; Вместе тесно, а врозь скучно; Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось; Один в поле не воин; Один за всех, все за одного; Семеро одного не ждут; С миром не поспоришь; В миру жить — мирское творить; Что мир порядил, то Бог рассудил.* В государственно-идеологической политике России разных периодов и сфер ее истории: *Глас народа — глас Божий; Вселенский патриархат; Москва — третий Рим; православное всеединство; соборный разум; всемирное братство; Пролетарии всех стран — соединяйтесь; Кто не с нами, тот против нас; мировая революция; коммунистический Интернационал* и т.п. Популярной эта ментальная установка остается и в массовой культуре: *Вместе мы сильнее. Вместе весело шагать по просторам... Я, ты, он, она, вместе — дружная семья... Если бы парни всей земли... Мы парни brave... Мир во всем мире. Живи как все. Ты что, лучше других? Не высовываться! Что я, рыжий? Новое поколение выбирает Пепси...*

Однако наиболее непосредственно и определенно ментальная установка на массовую интеграцию выражается в русском языковом сознании специальными признаковыми словами: прилагательными (типа *общий, всеобщий*) или отадъективными существительными (типа *всеобщность*), с помощью которых отвлеченная концептуальная идея «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» получает глубокое и всестороннее выражение и предстает в виде обширного поля всеобщности.

Поле всеобщности (гиперинтеграции) на номинативном уровне организуется в виде трех основных секторов значений: социального, про-

странственного и количественного. Каждый из них можно представить соответствующим рядом слов с доминантным прилагательным.

Социальная ориентация, т.е. объединение, охват чего-либо с направленностью на обширные группы или объединения людей, представлена в доминантном слове **общий** с его скрытым образом круга¹ — широкого охвата объектов, а также в некоторых его производных с социальной семантикой: *община, общество*. Эта же ориентация представлена и в словах *всеобщий, всенародный, всечеловеческий, общечеловеческий, общенародный, всенациональный, общенациональный, поголовный, повальный* и др. Отметим, что интеграция выражается во многих случаях дважды: корневой морфемой социального содержания (*-народ-, -человеч-, -голов-*) и деривационными формантами, которые передают усиление интеграции (*ВСЕнародный* → *всенародное голосование*, *ОБЩЕчеловеческий* → *общечеловеческая роль*) либо ее разделительную специфику: префикс *по-* (*ПОголовный* → *поголовный учет*).

Другой сектор поля всеобщности — **пространственный**. Доминантное прилагательное **мировой** соотносится с представлением о гигантском локусе, глобальном пространстве: *мир* — «часть Вселенной; планета... Земной шар, Земля со всем существующим на ней... Всё живое, всё окружающее... Окружающее общество, люди...» [СРЯ, т. 2, с. 274]. Заметим, что *мир* в традиционной культуре — это еще и «община, общество крестьян; (сельская) сходка» [Даль, т. 2, с. 330]: *На миру и смерть красна*, т.е. «среди своих, со своими». Налицо историческая переключка корней *мир-* и *общ-*, которые в русской традиции имели близкий смысл объединения. Среди других прилагательных пространственного сектора поля всеобщности: *общемировой* («общемировая скорбь»), *всемирный* (см. «всемирная отзывчивость» у Достоевского), *всеохватный* («всеохватная любовь»), *вселенский* («вселенский позор»), а также *всесторонний, повсеместный, планетарный, всепланетный, всеобъемлемый, всеобъемлющий, всеобнимающий* и др. Каждое из таких прилагательных имеет свои особенности пространственной всеобщности — степень или способ обобщения, характер локальной интеграции. Большинство прилагательных, как и в первом случае, совмещают корневое пространственное выражение интеграции (*мир, планета, охват, место, сторона*) и усиление этой интеграции с помощью словообразовательных формантов *все-, обще-, по-*.

Третий сектор поля всеобщности — **количественный**, доминантное прилагательное — **единый**. Идея интеграции предстает здесь как сведение некоего множества к нераздельности, целостности, подобно единицы, что и отражено в соответствующих значениях многозначного слова *единый*: «...цельный, нераздельный. *Единый фронт. Единое государство...*» [СРЯ, т. 1, с. 463], а также в его производных: *единство, всееди-*

ный, всеединство. Аналогичную специфику значений отметим и в словах *соборный* и *соборность*, внутренняя первичная форма которых означает, по данным толковых словарей, стремление «сосредоточить многое, многих в одном месте» [СРЯ, т. 4, с. 171]. *Всеединство* и *соборность* рассматриваются и в специальном употреблении, философском и богословском, но это особый вопрос, в данном же случае следует обратить внимание на другое обстоятельство.

Кажется, концептуальная идея всеобщности получила исчерпывающее и многоаспектное выражение в русском языковом сознании и в русском языке: поле гиперинтеграции охватывает более 30 традиционных номинаций! Однако начиная с середины XIX в. эта, казалось бы, самодостаточная система слов и значений получает существенное пополнение в виде целого ряда заимствований, которые в основе своей как будто бы дублируют собственно русские слова и повторяют основные особенности их внутренней формы. Например: *тотальный* ≈ *всеобщий*; *масштабный* ≈ *всеохватный* (оба с пространственной ориентацией); *массовый* ≈ *поголовный*, *повальный* (номинации с социальной ориентацией); *фундаментальный* может означать то же, что *единый* и *всесторонний*; *универсальный* близко по смыслу к *всеобщий*; *интегральный* ≈ *единый*; и, наконец, *глобальный* ≈ *общий*, *всеобщий*, *всемирный*.

Но эта избыточность только кажущаяся, и распространение иноязычных аналогов имеет два главных когнитивных объяснения: поверхностное и глубинное. Поверхностное объяснение заимствований очевидно: появление новых, иноязычных слов (в основном в XIX в.) отражало стадию развития знания и потребностей развивающейся книжной речи, научной или публицистической, которая нуждалась в предельно отвлеченных, нейтральных и универсальных номинациях, не связанных с открытым восприятием внутренней формы (как, например, в словах *всеохватность* или *повсеместность*) или с разного рода ограничениями словоупотребления родного слова (как *соборность*). Большое значение имело также и естественное стремление мыслящих людей к межкультурному взаимопониманию, к терминологической интеграции, которая последовательно достигалась расширением фонда интернациональной лексики.

Еще более показательны внутрилингвистические причины расширения поля. Удивительно, но факт: ни от одной из традиционных русских номинаций семантического поля всеобщности невозможно образовать акциональное слово: *всеобщий*, *общечеловеческий*, *общемировой*, *всеобъемлемый*, *повсеместный*, *всеединый*, *соборный* — не могут быть производящими для глаголов с семантикой гиперинтеграции. И, очевидно, такой потребности у языковой системы до некоторой поры не было.

И вот в конце XX — начале XXI столетия концептосфера всеобщности пополняется новым английским образованием *globalization*. До этого в русском языке уже были слова с тем же корнем — *глобальный* и *глобальность*, но заимствованные еще в XIX в. под влиянием французского языка (*global* — ‘общий, глобальный, взятый в целом’) на основе латинского *globus* (‘шар’, *globus terrae* ‘земной шар’). Причем первоначально как в иностранных языках (см. напр. [БАРС, с. 332]), так и в русском (см.: [Ожегов, Шведова, с. 133]) прилагательное *глобальный* выражало два значения: ‘всемирный’ и ‘полный, всеобъемлющий’. Однако постепенно переносное употребление этого слова существенно расширило свои функции, и вот один из толковых словарей нового времени фиксирует уже пять его значений [БТС, с. 208].

Многозначное прилагательное *глобальный* становится одной из самых распространенных² номинаций современной книжной речи, с помощью которой идея всеобщности, или «полного охвата всего и всех», интерпретируется в самых разных вариантах словоупотребления, например: *глобальный мир, глобальная политика, глобальная энергия, глобальная технология, глобальная инициатива, глобальное общение, глобальные проблемы, глобальная конкуренция, глобальная статистика, глобальный поиск, глобальная эпидемия, глобальный торговый центр, глобальное партнерство, глобальное коммуникационное пространство, концепция глобального управления* и т. п.

В чем причина феноменальной активности и популярности слова *глобальный* на фоне всех других обозначений гиперинтеграции, «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего»? Какие преимущества приобрело это слово в сравнении с собственно русскими аналогами?

Во-первых, значение слова *глобальный* характеризуется максимальной отвлеченностью и универсальностью, подобно прилагательному *всеобщий*, однако в отличие от него и от некоторых других средств выражения гиперинтеграции *глобальный*, с одной стороны, не имеет социальных ограничений для указания на разные типы объектов и субъектов интеграции, а с другой — не допускает ориентации на малые группы полного охвата. По этой причине вряд ли возможно использование прилагательного *глобальный* вместо *всеобщий* в следующих сочетаниях «малой квантификации»: *всеобщий смех собрания; всеобщее голосование сотрудников* (ср.: **глобальный смех, *глобальное голосование*).

Во-вторых, значение слова *глобальный*, как и прилагательных *всемирный, общемировой*, связано с пространственной ориентацией объединения, но *глобальный* не ограничивается только «географической» составляющей интеграции, а развивает целый ряд переносных значений и при этом может указывать на любую полноту и всеохватность объединения. Таковы, например, сочетания *глобальный обзор поверхности Лу-*

ны, глобальный анализ ситуации, глобальная ракета, глобальное мышление и т. п., в которых маловероятно использование прилагательных *всемирный* и *общемировой*.

В-третьих, слово *глобальный* указывает на интеграцию только крупнейших классов объектов, притом в полном и исчерпывающем их объеме («весь мир, вся Земля и всё, что на ней находится»). И такое объединение в слове *глобальный* имеет нейтральный, не оценочный характер (в отличие, например, от *повальный* и *тотальный*, связанных с отражением преимущественно деструктивной интеграции и давления каких-либо сил и стихий).

И наконец, в-четвертых, прилагательное *глобальный* реализует особый, максимально богатый словообразовательный потенциал, которого нет ни у одной из рассмотренных номинаций всеобщности, собственно русской или заимствованной. Особенности отвлеченной семантики слова и некоторые этапы его истории в русском языковом пространстве привели к образованию обширного и разветвленного словообразовательного гнезда — целой системы однокоренных производных слов (более двадцати единиц), находящихся в деривационной связи с исходным прилагательным *глобальный*: субстанциальных (*глобальность*, *глобализм* / *антиглобализм*, *глобалистика*, *глобалист* и др.) и процессуальных (*глобализировать/глобализовать*, *глобализация*, *глобализатор*, *глобализаторство*).

Особенно активным в этом деривационном ряду является слово — *глобализация*. Обычно имена книжной стилистической ориентации с суффиксом *-аций(я)* образуются в русском языке от глаголов с иноязычной основой на *-ировать* или *-овать* [Русская грамматика 1980, с. 161]. В реальности же все произошло наоборот: сначала распространилось заимствованное актуальное существительное *глобализация*, а уже затем, под воздействием традиции словообразования и вследствие всё тех же коммуникативных потребностей, появились и глаголы, которые затем стали осознаваться как «производящие», причем сразу два варианта (а это признак некоторой неустойчивости): *глобализировать* и *глобализовать* с практически дублирующими друг друга лексическими значениями³. Притом с одинаковыми грамматическими признаками: оба глагола двувидовые, что позволило каждому употребляться как в собственно процессуальном смысле (*глобализировать* / *глобализовать экономику в течение столетия*), так и в результативном (*глобализировать* / *глобализовать экономику к концу столетия*). Оба глагола являются переходными и поэтому легко образуют весь традиционный набор причастных и деепричастных форм.

Далее актуальная языковая потребность вызвала к жизни уже целое словообразовательное гнездо новообразований с одним и тем же кор-

нем — не только акциональных слов, но уже и вторичных адъективных и субстантивных (*глобализационный, глобализатор, глобализаторство, глобализованный / глобализированный*), а вслед за ними *глобализм, глобалист, антиглобалист, антиглобализм, глобалистика* и далее *глобалистский, антиглобалистский, глобалистический, глобализаторский*, вплоть до разговорно-сниженного шутливого универбата *глобалка*. Ни одно из традиционных слов поля всеобщности не могло породить такое обширное гнездо — более двух десятков однокоренных слов — от заимствованного иноязычного источника! Русский язык поступил явно «не патриотично»⁴.

Так традиционная для русского языкового сознания идея всеобщности постепенно приобрела новые черты, трансформировалась в идею всеобщего, всестороннего и всеобъемлющего единения человечества на современном этапе цивилизации. И семантическое поле всеобщности, концептосфера гиперинтеграции пополнились целой подсистемой отвлеченных понятий и соответствующих слов, среди которых наиболее значимые: *глобализация* (обозначение процесса), *глобализм* (название явления и новой мыслительной категории) и *глобалистика* (совокупность идей и новая наука о закономерных процессах мирового развития). Все три понятия — новые для русского языкового сознания, не устоявшиеся и даже спорные в идеологическом отношении, а отсюда и многозначность каждого из них, поскольку *глобализацию*, а значит, и *глобализм, глобалистику* рассматривают, с одной стороны, как понятия с негативно-оценочным содержанием, как выражение противодействия ментальному всеединству национального русского характера, а с другой — как выражение объективных процессов, тенденций мирового развития (см. соответствующие значения слов: [ТСАЛ, с. 248]).

Иначе говоря, представление о всеобщности и всеединстве как ментальном свойстве национального характера столкнулось с актуальной проблемой всеобщей, общечеловеческой интеграции и потребовало от языка не только расширения семантического объема поля всеобщности, но и его специализации, терминологизации, что и произошло с помощью обширного словообразовательного гнезда однокоренных слов, которые мы связываем теперь с исходным прилагательным *глобальный*.

Список сокращений

БАРС: Большой англо-русский словарь: В 2 т. Т. 1 / Под общ. рук. И. Р. Гальперина. М.: Рус. яз., 1989.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Даль: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-во. М. О. Вольфа, 1880—1882.

Русская грамматика 1980: Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

СРЯ: Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981—1984.

ТСАЛ: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006.

Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964—1973.

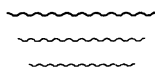
Ожегов, Шведова: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

¹ В праславянской истории «*obyĭto- ‘то, что вокруг’ (от *oby...))» [Фасмер, т. 3, с. 110], т. е. вокруг субъекта, человека. Интеграция, следовательно, заключала в себе отражение важнейшего для мифологического сознания прошлого образа круга, кругозора.

² По данным поисковой системы Yandex, это слово имеет самый большой статистический показатель употребления в русском Интернете (на 16.12.2006 г.) среди всех прилагательных, представляющих идею гиперинтеграции: 9 539 490 упоминаний (ср. *всеобщий* — 4 185 516 упоминаний).

³ По данным Yandex’a (16.12.2006 г.) в Интернете на глагол *глобализировать* приходится 37 778 упоминаний, на *глобализовать* — 21 585.

⁴ В связи с этим можно вспомнить парадокс конца XVIII в., когда иностранное слово *патриотизм* оказалось сильнее всех собственно русских образований, включая даже как будто бы красивое слово **отечественность*, предложенное А. В. Суворовым в качестве исконной альтернативы. Все решилось волей живого языка. Тяжеловесное русское слово не смогло противостоять словообразовательным возможностям иноязычного заимствования, ср.: *патриот, патриотический, патриотичный, патриотичность*.

VI

*Литература стран
Балтийского региона:
Германия*

